

1

Отец давно уже мне рассказывал, что до моего рождения он зарабатывал на жизнь охотой с гарпуном на мух. Он даже как-то предъявил мне этот гарпун и расплюснутую муху.

— Но я это дело бросил, очень уж оно было трудное, а платили гроши, — объяснил мне отец, укладывая отслуживший гарпун в красивый ларец. — Теперь я занимаюсь открытием гаражей; труд, конечно, специфичный, зато и доход приличный.

В начале учебного года, когда школьников первым делом просят рассказать про

себя и свою семью, я не без гордости поведал об отцовских профессиях, за что на уроке меня угрюмо отчитали, а на перемене смачно осмеяли.

«Видимо, правду не ставят ни в грош, если она занятна, как ложь», — с грустью подумал я.

На самом деле мой отец был законником.

— Нас кормит закон! — со смехом возглашал он, набивая свою трубку.

Он не был ни судьей, ни депутатом, ни нотариусом, ни адвокатом, в общем, никто и звать никак. Работой этой он обзавелся благодаря своему другу Сенатору. Получив доступ к самым свежим законодательным актам, он погрузился в освоение новой профессии, буквально высосанной из пальца этим самым Сенатором. Новые законы — новые препоны! Вот так он и стал «открывателем гаражей». Дабы создать надежный и безопасный автомобильный парк, Сенатор решил вменить в обязанность всем без исключения водителям прохождение техосмотра. Таким образом, владельцам такси, лимузинов, микроавтобусов и прочего колесного транс-

порта строго предписывалось, во избежание ДТП, «показать доктору» свою машину. И каждый автомобилист, что богатый, что бедный, был вынужден подчиниться этому предписанию. Поскольку обойти данные препоны никак не получалось, мой отец заставлял водителей платить, и платить дорого, очень дорого. Он брал деньги за первый визит к механику, за повторный визит к механику, за дорогу туда, за дорогу обратно, и, судя по его жизнерадостным взрывам смеха, дела шли очень даже прекрасно.

— Я спасаю жизни, я спасаю жизни! — со смехом восклицал он, изучая свои выписки из банковского счета.

В те времена спасение жизней приносило огромный доход. Открыв великое множество гаражей, отец продал их кому-то из конкурентов, что стало большим утешением для Мамочки, которой не очень-то нравилось это занятие — спасение жизней, потому что отец вечно пропадал на работе и мы его практически не видели.

— Я работаю допоздна, чтобы кончить пораньше, — объяснял ей отец, и мне как-то трудно было это понять.

Я вообще часто не понимал своего отца. Со временем я стал понимать его лучше, хотя и не до конца. Но оно и так было очень даже прекрасно.

Отец утверждал, что он с этой штукой и родился, но я очень скоро узнал, что небольшая пепельно-серая морщинка справа от верхней губы, делавшая его чудесную улыбку слегка кривоватой, образовалась от усердного курения трубки. Отцовская стрижка, с пробором посередине и завитушками по углам лба, напоминала мне прическу прусского кавалериста, изображенного на картине у нас в передней. Такой прически я больше не видел ни у кого, кроме пруссака и отца. Слегка выпуклые голубые глаза в чуть запавших орбитах придавали его взгляду какое-то особенное выражение. Это был глубокий и в то же время беспокойный взгляд. В те годы я видел отца неизменно счастливым, да он и сам частенько повторял:

— Я счастливый дурень!

На что мама отвечала:

— Мы верим вам на слово, Жорж, мы верим вам на слово!

И все время он что-то насвистывал — правда, довольно-таки фальшиво. А иногда напевал, так же фальшиво, но когда человек пытается петь от чистого сердца, это можно и стерпеть. А еще он рассказывал замечательные истории и в те редкие вечера, когда у нас не бывало гостей, приходил меня убаюкивать, для чего садился на мою кровать, согнув в три погибели свое длинное худое тело. И, вращая глазами, заводил рассказы — о лесе, о белках, о гномах, о мертвецах, — выгоняя из меня весь сон. Иногда, слушая его, я весело прыгал по кровати, а иногда, заледенев от ужаса, прятался за оконными портьерами. И отец говорил, покидая спальню:

— Не хочешь покоя, дрыхни стоя!

И в данном случае приходилось опять-таки верить ему на слово. Воскресные дни были днями физкультуры — отец занимался развитием своей мускулатуры. Раздетый по пояс, с трубкой в зубах, он становился перед большим зеркалом в золоченой раме, увенчанной пышным бантом, и под джазовую музыку начинал выжимать крошечные гантельки. Он называл

это «жим-тоник», потому что регулярно прерывался, дабы как следует хлебнуть из стакана, в котором был джин-тоник, и сказать моей матери:

— Вам тоже следовало бы попробовать заняться спортом, Маргёрит, уверяю вас, это очень занятно и очень бодрит!

И мать отвечала, пытаясь наколоть на крошечный зонтик оливку в своем марти-ни, для чего прикусывала язык и зажмуривала один глаз:

— А вам следовало бы попробовать апельсиновый сок, Жорж; уверяю вас, что после этого вы сочли бы спорт куда менее занятным! И сделайте одолжение, перестаньте называть меня Маргёрит; если вы не подыщете мне другого имени, я скоро начну мычать, как корова!

Я так и не понял, почему мой отец никогда не называл Мамочку одним и тем же именем больше двух дней подряд. Некоторые из них надоедали ей скорее, чем другие, но сам по себе этот обычай ей очень нравился, и я каждое утро видел в кухне, как она, поднеся к губам чашку, смеющимися глазами следит за отцом или

сидит, пристроив подбородок в ладонях, в ожидании его вердикта.

— О нет, нет, только не это! Только не Мари-Лу, да еще сегодня, когда у нас будут гости к столу! — восклицала она и, повернувшись к зеркалу, встречала новую Мари-Лу брезгливой гримасой, новую Жозефину — степенной миной, новую Аннет — категорическим «нет». — И потом, для Мари-Лу у меня нет ни одного подходящего платья!

Лишь один-единственный день в году у моей матери было постоянное имя. Каждое 15 февраля ее звали Жоржеттой. Это имя тоже ей не принадлежало, но День святой Жоржетты шел сразу за Днем святого Валентина. Мои родители не видели никакой романтики в том, чтобы сидеть в ресторане со стандартным, традиционным меню, среди парочек, притворявшихся влюбленными. Вместо этого они на следующий день, ежегодно, отмечали праздник святой Жоржетты, наслаждаясь атмосферой пустого ресторана и индивидуальным обслуживанием. К тому же Папа считал, что такая романтическая годовщина может носить только женское имя.

— Будьте добры, оставьте за нами самый лучший столик на имя Жоржа и Жоржетты. И успокойте меня, скажите, что у вас сегодня уже не подают эти кошмарные пирожные в виде сердечка! Нет, не подают? Ну слава богу! — говорил он, заказывая столик в каком-нибудь дорогом ресторане.

Ибо для них День святой Жоржетты был прежде всего праздником любви — страстной и вечной, а не короткой и беспечной.

После истории с гаражами моему отцу больше не приходилось вскакивать спозаранку, чтобы прокормить нас, поэтому он начал писать книги. Много книг, и всё время. Он сидел за своим большим письменным столом перед листом бумаги, и писал, и смеялся тому, что написал, и писал то, что вызывало у него смех, заполняя трубку табаком, пепельницу — пеплом, комнату — дымом, а лист бумаги — чернильными строчками. Единственными предметами, которые не заполнялись, а опорожнялись, были кофейные чашки и бутылки со смешанными напитками —

коктейлями. Увы, все издатели отвечали в один голос: «Написано смешно и занятно, но трудно понять, где начало, где конец». Утешая отца, огорченного их отказами, мать говорила:

— Книгу, где начало и конец, напишет любой глупец, а вот попробуй напиши непонятно, да так, чтоб было занятно!

И нас это ужасно сместило.

Отец говорил про мать, что она на «ты» со звездами, и мне это казалось странным, потому что ко всем, даже ко мне, она обращалась на «вы». Она говорила «вы» даже уроженке Нумидии¹ — элегантной экзотической птице, которая проживала в нашей квартире с тех пор, как родители привезли ее из одного путешествия в их прошлой жизни, еще до меня; она расхаживала по комнатам, грациозно изгибая длинную черную шею, щеголяя

¹ Имеется в виду журавль-красавка (фр. *la demoiselle de Numidie*), обитающий во многих странах мира, в частности в Северной Африке. Нумидия — древнее государство, находившееся на территории современных Марокко, Алжира и Туниса. — *Здесь и далее примечания переводчика, кроме специально оговоренных случаев.*

двумя белыми кисточками на головке и вращая жгучими красными глазами. Мы прозвали ее Мамзель Негодй, так как она ни на что не годилась, разве только умела орать во все горло без всякой причины, оставлять кругленькие пирамидки помета на паркете и будить меня по ночам, долбя в дверь своим оливковым клювом с апельсиновым отливом. Хотя отец не рассказывал Мамзель Негоди никаких страшных историй, она неизменно следовала его совету — «дрыхла стоя», спрятав голову под крыло. В раннем детстве я часто пытался ей подражать, но это было очень уж сложно. Мамзель просто таяла от счастья, когда Мамочка, лежа на диване, читала книжки и целыми часами гладила ее по головке. Мамзель любила чтение, как все ученые птицы. В один прекрасный день Мамочка собралась в магазин за покупками и вздумала вывести Мамзель Негоди на улицу, для чего смастерила ей красивый поводок из бусинок; однако Мамзель испугалась прохожих, а прохожие испугались Мамзель, которая орала как оглашенная. Одна старая дама, гулявшая с таксой, даже сказала Мамочке, что

водить по улицам птицу на поводке бесчеловечно и опасно.

— Какая разница, кого водить на поводке — пернатое или мохнатое?! Моя птица ни разу в жизни никого не укусила, и я нахожу ее куда более элегантней, чем ваш пучок шерсти! Пошли, дорогая, пошли домой, эти ничтожные людишки слишком невежественны и грубы!

И Мамочка вернулась домой в сильном раздражении, а когда она бывала в таком состоянии, то обязательно шла к моему отцу, чтобы подробно все ему рассказать. И каждый раз, выложив все до последнего слова, сразу веселела. Мамочка нервничала часто, но надолго ее не хватало, а отцовский голос был для нее наилучшим успокоительным лекарством. В остальное время она восхищалась всем подряд, находила безумно интересным ход мировой истории и старалась идти с ней в ногу, причем вприпрыжку. Ко мне она относилась не как ко взрослому или ребенку, а, скорее, как к герою романа. Романа, который она любила нежно и страстно и к которому обращалась ежечасно. Она не желала слышать ничего неприятного или грустного.
